

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

«УЧЕНЫЕ ОБРАЗУЕТ УМ, ВОСПИТАНЬЕ — НРАВЫ»: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Павловская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; annapavl@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена основным традициям образования в России, складывавшимся на протяжении длительного исторического периода и не потерявшим своей актуальности. Простой процесс приобретения знаний в России имеет ряд важных особенностей. Образование всегда находится на службе у государства, поэтому основная инициатива преобразований в этой сфере всегда направляется свыше. С этим же связан и патриотический характер образования — не просто ради личной выгоды, а на благо отечества, без этого оно теряет главный смысл и не может нормально развиваться. В российском образовании всегда на первый план выходит воспитательная функция: вырастить достойного гражданина, передать учащемуся не просто знания и навыки, а определенные нравственные принципы.

Ключевые слова: история образования; воспитание; русская культура; традиции; национальные менталитеты

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Для цитирования: Павловская А.В. «Ученые образует ум, воспитанье — нравы»: Исторические традиции российского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 29–39.

“STUDYING FEEDS INTELLECT, WHILE UPBRINGING PROVIDES MORALS”. THE MAIN TRADITIONS OF EDUCATION IN RUSSIA

Anna V. Pavlovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract: The article is dealing with the main traditions of education in Russia. These traditions have been developing over a long historical period and are still

living. The process of acquiring knowledge in Russia has some specific national features. Education has always been under the guidance of the state. Consequently, the main initiative for reforms in this area has always been directed from above. The education in Russia has always been based on the idea of patriotism — not for personal benefit only, but rather for the good of Russia. Otherwise it would lose its main purpose. The main idea in Russian education has always been to bring up a worthy citizen, to provide students not just with certain knowledge and skills, but rather some moral principles.

Key words: history of education; upbringing; Russian culture; traditions; national mentalities

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2022) “Studying feeds intellect, while upbringing provides morals”. The Main Traditions of Education in Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 29–39. (In Russ.)

В первую годовщину открытия Московского университета на традиционном публичном собрании, состоявшемся 26 апреля 1756 г., Н.Н. Поповский, ученик и единомышленник М.В. Ломоносова, один из первых отечественных профессоров, провозгласил: «...учение есть старости жезл, юным увеселение, утверждение в счастье, в несчастье отрада...» [Поповский, 1985: 132] В это время необходимость распространения образования уже была признана обязательным условием процветания как отдельной личности, так и государства в целом.

История развития образования в России представляется, с одной стороны, одним из самых парадоксальных явлений русского мира, а с другой — крайне закономерной и важной его составляющей. Противоречия, загадки, малочисленные или недостоверные источники, отсутствие точной информации рождает споры, противоположные мнения, взаимоисключающие научные концепции. Взять хотя бы печально знаменитое варварство русских. Даже и сегодня нет-нет да и всплывет образ русского дикаря, прозябающего в косности и невежестве, а для предшествующих эпох это было, пожалуй, самым распространенным представлением, причем далеко не только среди внешнего мира, но подчас и внутри самой России. А ведь просвещение Руси началось еще с Владимира Святого, и на протяжении более чем тысячи лет не оскудевала земля русская талантами: и сегодня мир читает произведения «варваров», музеи мира оспаривают право купить их творения, а в концертных залах не смолкает русская музыка.

Не только художественной культурой славится Россия. Грустно, что богатейшие государства мира борются за наших ученых, но ведь «утечка мозгов» возможна только оттуда, где они есть. Интересно, что в советское время нам настойчиво внушали, что наша система образования одна из лучших в мире, а мы самый читающий народ. Мы гордились этим, но сомнения оставались, как можно сравнить себя с тем, чего не знаешь и не видишь. В конце XX в. мир открылся для россиян, и оказалось, что советская пропаганда была не слишком далека от истины с той только разницей, что многие сегодня считают нашу образовательную систему самой лучшей. И сегодня, в период, когда Россия утратила свои лидирующие позиции по многим показателям, именно эта область сохранила свой престиж, значение и авторитет.

Удивительны темпы развития высшего образования в России. Начало XVIII в. Изданное в 1717 г. при непосредственном участии Петра I «Юности честное зерцало» содержит рекомендуемые нормы поведения. Приличное поведение дворянина новой эпохи выглядело так: «Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: “Во-первых, обрежь себе ногти, да не явится, якобы оныя бархатом обшиты. Умой руки и сиди благочинно, сиди прямо и не хватай первый блюдо, не жри как свинья и не дуй в ушное, чтобы везде брызгало, не сопи егда яси. Первый не пей, будь воздержан и бегай пьянства; пей и яждь, сколько тебе потребно, в блюде будь последний. Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари его. <...> Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом”»¹. И так далее в том же духе. Безусловно, подобные рекомендации свидетельствовали о том, что большая часть дворянства вела себя именно так. Вспомним к тому же, что в это время многие дворяне ставили крест вместо подписи, большая часть преподавателей приглашалась из-за границы за неимением своих собственных, в России не было ни одного университета, словом, картина быта и нравов представляется весьма грустной.

Проходит менее ста лет. Картина полностью меняется. В России процветают первоклассные учебные заведения различных уровней, множатся университеты, развиваются женские образовательные структуры. В дворянских усадьбах собраны превосходные художественные коллекции и богатейшие библиотеки, светское общество говорит на иностранных языках лучше, чем на родном, и разбирается в европейской литературе лучше, чем жители тех стран, где она

¹ Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. Калининград, 2001. С. 48–49.

создается. Удивляют невиданные темпы, с которым образование распространилось по стране. Если Петру I приходилось часто насильно отправлять дворянских детей учиться, то уже к середине XVIII в. обучение потомства становится для их родителей делом первостепенной важности. А приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины французские путешественники свидетельствовали, что «здешняя образованная молодежь самая просвещенная и философская в Европе» и что она знает «более, чем оканчивающие курс в немецких университетах» [Ключевский, 1990: 160].

Н.М. Карамзин в речи, произнесенной в Российской академии 5 декабря 1818 г. по случаю избрания его в члены академии, справедливо подметил один из «феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями» [Карамзин, 1964: 233–234].

Наконец, важной и парадоксальной особенностью российского образования представляется его связь с мировым процессом. Хорошо известно, что Россия в различные эпохи много обращалась к международному, главным образом европейскому опыту, охотно перенимая его достижения. Тут можно вспомнить и университет, построенный по немецкому образцу, и систему начального образования, подобную австрийской, и взятые за образец французские женские учебные заведения, и английские ланкастерские школы, и даже античные лицеи. Но охотно перенимаемые иностранные формы вскоре наполнялись национальным содержанием, а конечный российский результат крайне мало напоминал иностранный оригинал, причем часто превосходил его. В связи с этим выглядят бессмысленными спекуляции на тему отсутствия национальной самобытности системы российского образования.

Крайне необходимым представляется рассмотрение смысла и содержания основных понятий, связанных с системой образования. В русском языке к данной сфере относятся несколько слов: «образование», «обучение», «просвещение» и «воспитание». При всей их кажущейся простоте и определенности разные эпохи трактовали их по-разному. В значительной степени в содержании этих слов заключены во многом суть и своеобразие российского образования. Их понимание дает ключ к пониманию всей системы.

Прежде всего обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка», составленному В.И. Далем. Он по-прежнему остается важнейшим памятником своей эпохи, о чем, в частности, свидетельствуют его многочисленные современные переиздания. Вышедший в 1861–1868 гг., он собирался Владимиром Ивановичем на протяжении полувека (сам он относит начало работы к 1819 г.),

т.е. отражает понимание тех или иных слов и выражений в различные периоды. Одновременно с этим он представляет достаточно широкий социальный фон, стараясь передавать трактовку различных понятий русским народом в целом, а не какой-то конкретной социальной группой.

В словаре Даля мы читаем, что «просвещение» — это «свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью; развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни». «Просвещать» — «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце», а «просвещенный человек» — «современный образованьем, книжный, читающий, с понятиями об истине, доблести и долге». «Образовывать» — «совершенствовать, улучшать духовно, просвещать; иногда, придавать наружный лоск, приличное светское обращение, что и составляет разницу между просвещать и образовывать», а «образованный человек — получивший образование, научившийся общим сведениям, познаниям. Образованный, научно развитой, воспитанный, приличный в обществе, знающий светские обычаи; первое, умственное образование; второе, внешнее; для нравственного — нет слова!» «Воспитывать» — «заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; <...> в высшем значении научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно», а «воспитанный человек — выросший в обычных правилах светского приличия, противоположность невежа; образованный, обогащенный сведениями, противоположность невежда». Наконец, самое простое действие — «обучать», т. е. «учить, научать, передавать кому знание, искусство; наставлять, школить, муштровать». В это период попадает в данный смысловой ряд и понятие «культура», «образование, умственное и нравственное»².

Итак, во времена Даля понятия «образование», «обучение», да и «воспитание» в значительной степени были связаны с внешним лоском, хорошими манерами, умением вести себя в обществе, т.е. теми основами, которые начиная с середины XVIII в. составляли заветную цель большинства. Однако в словаре очевиден негативный подтекст, осуждение подобного рода подхода к образованию. Характерны в этом плане примеры, приводимые Далем в словарных статьях: «Просвещение одною наукою, одного только ума, односторонне, и не ведет к добру»; «Науки образовывают ум и знания, но не всегда нрав и сердце. Ученье образует ум, воспитанье нравы». Даль

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Репринтное издание со второго издания (1880–1882). I. С. 249; II. С. 629; III. С. 508; II. С. 613.

сетует, что есть умственное образование, внешнее, а вот для нравственного нет и отдельного слова. Однако понятие «просвещение» (от «просветлить — сделать светлее, устранить сумрак или муть; дать более свету», так же как «образование» от «ображать — придавать чему образ») наиболее близко к сути идеи образования в России: распространение знаний само по себе не только не нужно, но может быть и вредно, оно имеет смысл только в сочетании с определенными нравственными принципами, высокими идеалами, словом, одновременное образование ума, сердца и души.

С течением времени понятия упрощались, нивелировались и все более сближались. Так, в словаре Д.Н. Ушакова (1935) под образованием понимается «процесс усвоения знаний, обучение, просвещение»³, в словаре С.И. Ожегова (1960) — «обучение, просвещение». «Просвещение» у Ушакова — это «образование, обучение», а у Ожегова «просветить» — «сообщить кому-н. знания, распространить среди кого-нибудь знания, культуру», словом, замкнутый круг, в котором все понятия замыкаются друг на друге. Слово «воспитание» в 1930-е годы тесно связывалось еще с буржуазным миром, и понятие «воспитанный человек» отождествлялось с «благовоспитанный» — «умеющий себя хорошо держать, внешне выдержанный, обладающий хорошими манерами». А вот ко второй половине XX в. воспитание стало опять признаваться важной составляющей процесса обучения, и у Ожегова мы читаем, что это «навыки поведения, привитые школой, семьей, средой и проявляющиеся в общественной жизни»⁴. В разговорной речи понятие «образованный человек», во времена Даля прежде всего подразумевавшее светские манеры и знание правил хорошего тона, приобрело более нейтральный оттенок и общее значение. Сегодня его в какой-то степени заменило сочетание «культурный человек», предполагающее больше внешне усвоенное поведение, чем знания и умения. А вот всеобъемлющее и уважительное в середине XIX в. понятие «просвещенный человек» к XX в. стало звучать напыщенно и в значительной степени вышло из употребления.

Как бы ни упростилось современное понимание основных терминов, связанных с системой образования, традиционное представление об образовании как о сложном процессе, включающем передачу знаний, воспитание личности и формирование нравственных принципов, сохраняется [Тер-Минасова, 2016; Павловский, 2011; Бельчиков, 2011; Павловская, 2011.] Современный «Большой энциклопедический словарь» показывает неразрывность всех этих про-

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 7-е изд., стереот. М., 1968.

цессов, их органичную связь с понятием «образование», которое получает в нем наиболее общее значение и понимается как «процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру; необходимое условие деятельности личности и общества по сохранению и развитию материальной и духовной культуры». С ним неразрывно связаны и взаимодействуют понятия «воспитание» («целенаправленное развитие человека, включающее освоение культуры, ценностей и норм общества. Осуществляется через образование...») и «обучение» («основной путь получения образования, процесс овладения знаниями, умениями и навыками под руководством педагогов, мастеров, наставников и т. д. В ходе обучения усваивается социальный опыт, формируется эмоционально-ценностное отношение к действительности»). Проще всего здесь трактуется просвещение как «распространение знаний, образования»⁵.

Несмотря на кажущуюся простоту рассмотренных выше понятий, их содержание в значительной мере помогает понять суть отношения в России к проблеме образования. Например, как уже отмечалось выше и будет показано ниже, к середине XVIII в. необходимость обучения детей не вызывала сомнения не только в дворянской среде, но и во многих других социальных группах, например в купечестве. При этом если для первых она нередко была данью моде, то для последних вызвана практической необходимостью. Однако несмотря на различие целей и задач образования необходимость и своего рода неизбежность его распространения понималась многими. И вместе с тем продолжались и не теряли остроты споры и сомнения. Самое большое неприятие вызывало упрощенное понимание образования как приобретения определенного количества знаний, направленных на развитие исключительно ума. В России от одного «ума» проистекало только «горе». Лишь наряду с воспитанием души и сердца ум мог принести пользу. В комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», посвященной проблемам воспитания и образования, Стародум наставляет Софью: «Чем умом величаться, друг мой? Ум, коли он только что ум, самая безделица... Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. <...> Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу»⁶. Баснописец И.А. Крылов предупреждает самонадеянного читателя: «Хотя в ученьи зрим

⁵ Большой Энциклопедический словарь. М., 1997.

⁶ Фонвизин Д. Недоросль. Русская проза XVIII века. Серия: Библиотека всемирной литературы. М., 1971. С. 264.

мы многих благ причину, / Но дерзкий ум находит в нем пучину / И свой погибельный конец, / Лишь с разницею тою, // Что часто в гибель он других влечет с собою...»

Поэт В.А. Жуковский, которого можно считать одним из самых серьезных воспитателей России, недаром Николай I доверил ему столь ответственное дело, как образование наследника русского престола великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II, считал, что знания занимают далеко не главенствующее место в процессе образования. «Я разумею под именем просвещения, — писал он, — приобретение настоящего понятия о жизни, знание лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствование бытия своего, физического и морального». И далее подчеркивал, что «цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели» [Жуковский, 1902: 33, 335].

Три сквозных мотива проходят через всю историю образования: мотив света, пашни и подвига. Каждый из них дает ключ к пониманию его особенностей. Первый наиболее емко выражен в пословице «Ученье свет, а неученье — тьма». Процесс получения знаний понимается как преодоление тьмы и обращение к свету. Образование в своем первичном понимании придает образ, но этого недостаточно, важно зажечь свет в душе человека. И здесь возникает понятие «просвещение», неразрывно связанное с религиозной темой. Первый просветитель Руси — великий князь Владимир. О его крещении летописец говорит: «Володимерь же просвещень самъ, и сынове его, и земля его», т.е. крещением просветился сам Владимир, его сыновья и его земля⁷. Характерно, что этот изначально церковный термин распространился в России на систему образования, утратив свое первичное значение (хотя мы и встречаем его еще у В.И. Даля). Напоминал об этом Н.В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово “просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его производит...» [Гоголь, 1992: 118–119].

Мотив света применительно к образованию сохранился и в совсем другую эпоху. Вспомним известный плакат первых лет совет-

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001. С. 121.

ской власти «Неграмотный, что слепой, ходит во тьме». Так выстраивается первый ряд «свет — просвещение — душа».

Образы земли, пашни, которую надо возделывать, сеятеля как распространителя знаний, а знаний как семян составляют другой важнейший ряд понятий, определяющих суть российского образования. Тема эта возникает еще в древности, перекликаясь с библейскими мотивами, уподобляя знания самой жизни. «Повесть временных лет», повествуя о просвещении Руси, поэтически представляет великого князя Владимира Святого как пахаря, а Ярослава Мудрого как сеятеля знаний. «Как если бы один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное»⁸.

Встречается этот мотив и в других древних источниках. В «Житии Феодосия Печерского» читаем: «Так учил св. наставник свою братию; они же, как добрая земля, принимали семя словесе его и творили плоды, достойные покаяния»⁹. Сергей Радонежский, благодаря Божественной воле получивший знание грамоты от встреченного им святого старца, уподобляется «земле плодовой и плодоносной, семена принявшей в сердце свое»¹⁰. Конечно, нельзя не вспомнить некрасовского «сеятеля знанья на ниву народную», которого поэт призывает «сеять разумное, доброе, вечное».

Тяжелый труд, подобный труду пахаря, необходим для обучения. Ум человеческий подобен пашне, которая может принести хорошие плоды, если ее правильно возделывать, или зачахнуть. Образование возделывает ум и засеивает его семенами знаний. Так появляется второй ряд понятий «пашня — обучение — ум».

Наконец, третья тема представляет учение как подвиг, который надо совершить как страдание, через которое надо пройти для получения знаний. Все тот же Владимир Святой, просвещая Русь, посылал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых» (Повесть временных лет, с. 168). Хорошо известны меры, предпринятые Петром I для распространения образования в России, указывавшего набирать в школы «добровольно хотящих, иных же паче и сопринуждением» [Веселаго, 1852]. И в более поздний период, когда необходимость

⁸ Повесть временных лет. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 167.

⁹ Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 30.

¹⁰ Житие Сергия Радонежского. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 283.

получения образования не вызывала никаких сомнений, тема страдания и подвига идут рука об руку с процессом обучения. С.Т. Аксаков, рассказывая о том, как в девятилетнем возрасте его решили отдать в казанскую гимназию, ярко передает страдания свои и своей матери. Мать его «перешла весною, в ростополь, страшную, посиневшую реку Каму, уже ни для кого не проходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды... Но это ничего не значит в сравнении с решимостью отдать в гимназию свое ненаглядное, слабое, изнеженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержание, за четыреста верст, потому что не было других средств доставить ему образование». Сам же он, узнав о родительском решении, несколько дней «только плакал и ничего не слушал, и как будто не понимал, что говорила мне мать», а попав в гимназию, тяжело заболел нервной горячкой. Так нелегко давалось знание дворянским детям. Отношение же простого народа ясно и емко выражено в комплексе пословиц и поговорок: «Азбука наука, а ребятам мука»; «Кто хочет много знать, тому надо мало спать»; «Идти в науку — терпеть муку»; «Без муки нет и науки» и многих других¹¹.

Процесс получения знаний — это своего рода подвиг, который совершает каждый, решивший приобщиться к ним. Он неизбежно сопровождается страданиями, что составляет воспитание сердца. Последний ряд — «подвиг — воспитание — сердце».

Итак, в традициях русского мира образование — это свет, который надо зажечь, пашня, которую надо возделывать, подвиг, который надо совершить, страдание, через которое надо пройти. И, возможно, это только при сочетании всех трех компонентов: просвещения души, обучения ума и воспитания сердца. Столь высокое понимание сути образования неизбежно превращало его в дело государственной важности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельчиков Ю.А. Место М.В. Ломоносова в истории русского литературного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 20–29.
2. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса... СПб., 1852. Приложение № 1.
3. Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992. С. 118–119.
4. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. IX. СПб., 1902. С. 33, 335.
5. Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 233–234.
6. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1990. С. 160.

¹¹ См.: Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 15.

7. Павловская А.В. М.В. Ломоносов и традиции университетского образования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 7–19.
8. Павловский И.В. Региональные особенности отечественного исторического сознания в свете дискуссионных исторических концепций М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 30–42.
9. Поповский Н.Н. О пользе наук и о воспитании в оных юношества. Антология педагогической мысли в России XVIII в. М., 1985. С. 132.
10. Тер-Минасова С.Г. Учитель, ученик, учебник в современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 130–138.

REFERENCES

1. Bel'chikov Yu.A. 2011. Mesto M.V. Lomonosova v istorii russkogo literaturnogo yazyka [Lomonosov in the history of the Russian literary language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 20–29. (In Russ.)
2. Veselago F.F. 1852. *Ocherk istorii Morskogo kadetskogo korpusa...* [Essay on the history of the Naval Cadet Corps]. Saint Petersburg. Appendix No. 1. (In Russ.)
3. Gogol' N.V. 1992. *Dukhovnaya proza* [Spiritual prose]. Moscow, pp. 118–119. (In Russ.)
4. Zhukovskii V.A. 1902. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. In 12 vol. V. IX. Saint Petersburg, pp. 33, 335. (In Russ.)
5. Karamzin N.M. 1964. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Vol.2. Moscow-Leningrad, pp. 233–234. (In Russ.)
6. Klyuchevskii V.O. 1990. *Sochineniya v 9-ti tomakh* [Works in 9 volumes]. Moscow. Vol. 5, p. 160. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2011. M.V. Lomonosov i traditsii universitetskogo obrazovaniya [Lomonosov and traditions of university education]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 7–19. (In Russ.)
8. Pavlovskii I.V. 2011. Regional'nye osobennosti otechestvennogo istoricheskogo soznaniya v svete diskussionnykh istoricheskikh kontseptsii M.V. Lomonosova [Regional features of the national historical consciousness in the light of the debatable historical concepts of M.V. Lomonosov]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 30–42. (In Russ.)
9. Popovskii N.N. 1985. *O pol'ze nauk i o vospitanii v onykh yunoshestva. Antologiya pedagogicheskoi mysli v Rossii XVIII v.* [On the benefits of science and education in these youth. Anthology of pedagogical thought in Russia in the 18th century]. Moscow, p. 132. (In Russ.)
10. Ter-Minasova S.G. 2016. Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoi Rossii [Teacher, student, textbook in today's Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 130–138. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
 одобрена после рецензирования 15.05.2022;
 принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 16.04.2022;
 approved after reviewing 15.05.2022;
 accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, annapavl@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Pavlovskaya — Dr. habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, annapavl@mail.ru